

Е. В. Комлева

Сибирские купцы в восприятии иностранцев (XVIII—XIX вв.)

В статье анализируются отзывы иностранцев, преимущественно западноевропейских и американских путешественников, о сибирских купцах XVIII—XIX вв. Зарубежные авторы отмечали важное значение торговли для экономического развития Сибири, подчеркивали роль купцов в снабжении различными товарами населения обширной территории азиатской части России. Особое внимание мемуаристов привлекали выдающиеся представители купечества, отличавшиеся не только богатством, но и широким кругозором и блестящим воспитанием. Иностранцы говорили о дружелюбии и гостеприимстве сибирских купцов, вместе с тем не игнорируя и присущие последним подозрительность, хитрость, использование нечестных приемов в коммерческой деятельности.

Ключевые слова: сибирское купечество, отзывы иностранцев, эго-документы, образ жизни, торговля, досуг, взаимодействие с властями.

Сибирское купечество, занимавшее важное положение в социальной иерархии, не могло не обратить на себя внимание иностранных (главным образом западноевропейских и американских) путешественников, посещавших азиатскую часть России в XVIII—XIX вв. Путевые впечатления и воспоминания, оставленные некоторыми из них, дают возможность взглянуть на образ жизни, внешний облик и личностные качества сибирских купцов глазами представителей несколько иной, западноевропейской культуры [10, с. 159]. Важно и то, что иностранные авторы описывали сибирские города, через которые они проезжали, быт местного населения, состояние торговли, особо отмечая при этом некоторые детали, зачастую казавшиеся привычными российским подданным независимо от их социального статуса и регионального происхождения: публичные бани, устройство тарантасов, манеру подковывать лошадей, состояние дорог, почтовых станций и гостиниц, застоля, крестные ходы.

К свидетельствам иностранных путешественников о русских купцах обращались в своих работах многие ученые: В. Б. Перхавко [27, с. 344], Е. В. Банникова [1, с. 37—38], Е. А. Зуева [9, с. 24], А. Г. Киселев [15, с. 109, 122], Н. И. Гаврилова [2, с. 74] и др. Исследователи по преимуществу акцентировали внимание на сообщаемых иностранцами необычных фактах, любопытных штрихах, неординарных суждениях, способных расцветить образ купца, показать его с необычной стороны. Однако наряду с признанием ценности сделанных иностранными авторами зарисовок историки подчеркивают необходимость критического подхода к сохранившимся источникам. Так, Е. А. Зуева пишет: «...к субъективным оценкам и характеристикам авторов незнакомого для них сибирского общества надо относиться осторожно. Особенно это касается записок иностранцев» [9, с. 24]. Поскольку воспоминания иностранных подданных привлекались специалистами по истории купечества все же лишь фрагментарно, в данной статье сделана попытка проанализировать обширный комплекс соответствующих эго-документов, опубликованных на русском, английском, французском и немецком языках, представить обзор мнений иностранцев о сибирском купечестве, выявить основные моменты, на которые они обращали внимание.

Введение в научный оборот термина «эго-документы» и происходящее в отечественной историографии в течение последних двух десятилетий расширение круга соответствующих источников, по словам Н. В. Суржиковой, вызвали «очевидный дрейф

© Комлева Е. В., 2018

исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний», актуализировали исследование различных проявлений «индивидуальности и коллективности», вывели источники личного происхождения из статуса вспомогательных и вторичных [31, с. 230—231, 233]. И все же при работе с эго-текстами следует иметь в виду такие характерные для них особенности, как субъективное восприятие авторами окружающих реалий, подчас недостоверность и намеренное искажение фактов, эмоциональная окраска текста. Именно поэтому мы старались акцентировать внимание в первую очередь на тех сведениях и оценках, которые приводятся не в одном, а сразу в нескольких рассматриваемых источниках, что дает основание считать данную информацию наиболее объективной.

Ранние сочинения иностранцев, относящиеся к XVII—XVIII вв., лишь вскользь упоминали о сибирских негоциантах. Например, в опубликованной в 1671 г. в Париже книге П.-М. де Ламартиньер со слов очевидцев сообщал, что сибирские купцы «пьют чай с сахаром», а также употребляют его «как прекрасное лекарство против болезни легких», «против скопления ветров в животе и расстройства желудка» [4, с. 158]. Различные сведения о сибирских городах, в том числе о численности проживавших в них купцов, о торговых оборотах и ценах на товары, приводили в своих трудах состоявшие на русской службе иностранные ученые XVIII в. — И. Гмелин [42], П. Паллас [45; 46], Г. Миллер [22, 28], Г. Стеллер [47], И. Фальк [7]. Ученые-путешественники подчеркивали значение ярмарок для снабжения региона, характерное для сибирских купцов наличие разветвленной сети «приказчиков или компаньонов, кои на их счет покупают и продают товары большими и малыми партиями» [7, с. 400].

Довольно подробное свидетельство принадлежит французу Ш. д'Отрошу, посетившему в середине XVIII в. Тобольск и описавшему состояние городских улиц, внешний облик жителей, убранство их жилищ, внутрисемейные отношения. Среди прочего он отметил, что и мужчины, и женщины в древней столице Сибири одевались так же, как в Москве, Санкт-Петербурге и Париже, лишь единицы, в том числе некоторые купцы, сохраняли приверженность старине — носили бороду [40, с. 160]. Д'Отрош указывал на зависимость всего русского купечества от центральных и местных властей, считал, что купцы «не имеют ни достаточно средств, ни достаточно кредита, чтобы наладить торговлю», а первые русские коммерсанты «не кто иные, как комиссионеры иностранцев» [40, с. 249]. По прошествии более половины столетия А. Кюстин по-прежнему полагал, что «сословие независимых купцов и ремесленников» в России еще только начинало «создаваться, причем исключительно из иностранцев», самой же империи было присуще «настоящее варварство, едва прикрытое возмутительной пышностью» [18, с. 154]. Сибирь, которую, правда, ему не довелось увидеть своими глазами, А. Кюстин называл миром «немыслимых страданий», землей, населенной «преступными негодьями и благородными героями» [18, с. 252].

Последнее, конечно, весьма однобокое мнение в значительной мере опровергает зарубежная мемуаристика XIX в., делающая акцент на уровне европеизации жизни в Сибири, содержащая упоминания о гостеприимстве сибиряков и неоднократных встречах с людьми высокой культуры и широкого кругозора. Так, по мнению английского художника Т. Аткинсона, на Урале в 1840-х гг. образ жизни состоятельных слоев населения практически не отличался от «самой цивилизованной части Европы» [36, с. 97]. Десятилетием позже побывавший на Камчатке американец П. Коллинз писал о Петропавловском порте: «...население, язык, нравы, обычаи, одежда, здания, образ жизни, церковь и религия — так сильно напоминающие Европейскую Россию, что с трудом можно было поверить в это или осознать, что находишься примерно в девяти тысячах милях от места пребыва-

ния правительства и что это та же самая нация, с представителями которой беседовал на берегу Балтийского океана полтора года назад» [38, с. 337—338].

Что касается крупных сибирских городов, то в начале 1820-х гг. Дж. Кокрейн называл «многообещающим местом» Тюмень [37, с. 83—84], а про Тобольск отзывался следующими словами: «Здесь много красивых церквей... улицы вымощены деревом... и город в целом очень чистый <...>. Но что, пожалуй, более примечательно, здесь можно наслаждаться очень хорошим обществом... в этой доселе предполагаемой столице варварства и жестокости» [37, с. 86]. Несмотря на то что Томск ему понравился гораздо меньше («самое жалкое место, хотя проявляющее гостеприимство и доброту к путешественникам и незнакомцам» [37, с. 124]), он отметил, что «никогда не видел другого такого примера дешевизны и изобилия» [37, с. 126]. Финский лингвист М. А. Кастрен, хотя и российский подданный, но по воспитанию и взглядам, несомненно, стоявший очень близко к западноевропейцам, во второй половине 1840-х гг. характеризовал Томск как «блестящий Париж Сибири» [11, с. 104]. А вот как отзывался о Томске в 1880-х гг. американский журналист Дж. Кеннан, чьи книги о Сибири вызвали огромный интерес во всем мире и в значительной степени определили восприятие России за границей [33, с. 116]: «По величине и значению это — второй город Сибири, по предпринимательскому же духу, интеллигентности и благосостоянию населения он мне показался даже первым <...> город произвел на меня более благоприятное впечатление, чем многие из соответствующих по значению городов Европейской России» [12, с. 122—123]. Сходного мнения придерживался и французский путешественник Ж. Легра: «Томск действительно является важным центром, гораздо более живым, чем Иркутск... только здесь все еще доминирует позитивный дух торговцев» [44, с. 66].

Особое внимание привлекал Барнаул — центр Алтайского горного округа с его хорошо образованным высшим обществом. Вспоминая Барнаул, его жителей и начальство алтайских заводов, Т. Атkinson использовал такие выражения, как «цивилизация очень высокого характера», «великая доброта», «искреннее гостеприимство», «общество настолько приятное» [36, с. 159, 284]. Немецкий ученый К. Ледебур в 1826 г. «был ошеломлен, найдя Барнаул столь цивилизованным городом» [19]. Другой немецкий естествоиспытатель — А.-Ф.-Г. Гумбольдт — назвал Барнаул одним «из красивейших и замечательных городов Западной Сибири» [6, с. 65—66]. В конце 1890-х гг. француз Ж. Легра писал: «Барнаул — небольшой город, построенный... полностью из дерева на песчаных холмах», где можно найти «многочисленное общество образованных людей» [44, с. 50—51, 53].

Европейским видом и укладом жизни отличался также Иркутск, который, как и Томск, иногда называли «Парижем Сибири» [41, с. 81]. Посетивший восточносибирскую столицу в начале 1820-х гг. Дж. Кокрейн, признавая, что «это в целом прекрасный город», испытал некоторое разочарование от отсутствия планомерной застройки [37, с. 133]. М. А. Кастрен писал про Иркутск конца 1840-х годов: «...приличный город и, без всякого сравнения, лучший из всех сибирских городов. Высоких домов нет, но строения вообще довольно красивы, и во многих я видел окна из зеркальных стекол. Роскошь в одежде и экипажах доходит до невероятного. Шампанское льется рекой. По вечерам почти во всех домах играют в преферанс. Костюмы, моды, фасоны — все это à la Pétersbourg» [11, с. 271]. П. Коллинз описывал иркутское общество конца 1850-х гг. следующими словами: «Гостеприимство главных граждан было безграничным, люди добрые и вежливые, общество приятное, дамы красивые, вино хорошее и ужины отличные...» [38, с. 49].

Конечно, менее значительные города подобных похвал не вызывали. Побывав в Минусинске, М. А. Кастрен отмечал: «Общественных строений почти нет, город состо-

ит большей частью из маленьких, жалких домиков полутатарского стиля, с высокими кровлями и низкими стенами. В этих хижинах, за исключением немногих чиновников и нескольких купцов, живут бедные горожане, которые ни образованностью, ни образом жизни не отличаются нисколько от простых крестьян» [11, с. 209]. Даже областной Омск не особенно радовал глаз: Ж. Легра назвал его «не очень блистательным» городом, «большой деревней» [44, с. 27].

Иностранцы подчеркивали значение торговли для развития Сибири, причем у многих из них после личного знакомства с сибирскими реалиями изменялись сложившиеся ранее стереотипы (особенно после открытия Транссибирской железнодорожной магистрали, когда путешествия на восток стали более доступными [3, с. III]). Подтверждением этому служат высказывания Дж. Кеннана, который, воочию убедившись в объемах товарооборота между европейской и азиатской частями России, отмечал: «Если когда-то мы считали Сибирь неплодородной страной, то длинный ряд нагруженных товаром телег, встречавшихся нам на пути и ехавших от сибирской границы к Екатеринбург, изменил наш взгляд <...> Не нужно было никаких других доказательств того, что Сибирь не пустыня. Из пустыни не вывозят 1500 тонн товаров в день», «...представления о Сибири как о необитаемой полярной пустыне крайне ошибочны» [12, с. 21, 33]. П. Коллинз описал оживление, царившее во время ежегодной зимней ярмарки в Томске в 1856 г.: «...мы нашли здесь много магазинов и складов, рынков и базаров с рыбой, мясом и птицей, хорошо сохранявшимися на морозе. Рыба при прикосновении гремела, как множество кирпичей. Грузы железа, чая, шерсти, сала, меда, шкур, кож, меха, сена, зерна, кур, индеек и рыбы заполняли улицы и размещались на подступах к городу, а тысячи сундуков чая лежали сваленные на улицах, подвергаясь перегрузке на пути из Кяхты в Нижний Новгород. Бухарцы, джунгары, калмыки и другие татарские племена добавляли разнообразия нарядам людей и оживления сцене» [38, с. 43].

Удивление вызывали предметы роскоши, в том числе произведенные в Западной Европе, которые, хотя и по сильно завышенным ценам, но все же можно было приобрести в самых разных районах Сибири благодаря усилиям местных купцов. Например, в лавках барнаульского гостиного двора в середине XIX в. был представлен «самый необычный» ассортимент: «...ювелирные изделия, часы, посуда, стекло, французские шелка, муслины, шляпки и другие товары для дам; сахар, чай, кофе, мыло и свечи; сардины, сыр, приправы, английский портер, шотландский эль, французские вина, портвейн, херес и мадера <...> оружие, мечи, ружья и пистолеты» [36, с. 283].

Наличие подобных товаров в отдаленных сибирских городах впечатляло тем сильнее, чем ближе иностранные путешественники знакомились с необозримыми просторами региона и состоянием здешних дорог. Чтобы достигнуть намеченной цели путешествия, необходимо было преодолеть «громадные пространства, представляющие местами равнины, местами горы» [25, с. 3]. О том, насколько сильные эмоции вызывали у иностранцев поездки, можно судить по тому месту, которое они отводили их описанию в своих мемуарах, подсчету расстояния и проведенного в пути времени. В XVIII столетии Ш. д'Отрош приводил подробные сведения о поразивших его российских расстояниях: «...дорога от Космодемьянска до Тюмени составляет 433 лье по 2000 туазов, а дорога от Санкт-Петербурга до Тобольска — 859 лье, в то время как дорога из Санкт-Петербурга в Тобольск через Казань — только 782 лье по 2000 туазов...». Эти цифры отличающийся тщательностью французский ученый сравнил с расстоянием от Парижа до Бреста, Страсбурга, Вены, Варшавы [40, с. 373—374]. Добравшись до Иркутска, П. Коллинз записал: «Мы... прибыли на берега Ангары, напротив Иркутска, столицы Восточной Сибири, 7 января 1857 г. в четыре часа пополудни, преодолев за тридцать пять дней и несколько часов с

отъезда из Москвы расстояние в 3545 миль; проспав вне наших саней лишь три полных ночи, при колебаниях температуры от 50° ниже нуля до 10° выше. Мы меняли лошадей 210 раз и проехали более чем на 700 во время путешествия, с 200 кучерами и двадцатью пятью форейторами. Время в пути, включая обычную задержку, составило около двадцати восьми дней и ночей, а средняя скорость, таким образом, 126 миль за каждые двадцать четыре часа, или пять с небольшим миль за час» [38, с. 46—47]. Подробностями наполнено описание путешествия, совершенного вместе с мужем и ребенком англичанкой Л. Аткинсон [34, с. 100; 29].

Касаясь дорожных неудобств, Ш. д'Отрош сетовал: «...не всегда можно встретить мосты, даже по пути из Санкт-Петербурга в Тобольск, который очень часто посещается; также путешествуют только зимой на санях; и, хотя со мной было только три человека во время моего путешествия по этой стране, я постоянно не находил в деревнях числа лошадей, которое мне требовалось для продолжения пути» [40, с. 266]. По прошествии нескольких десятилетий Дж. Кокрейн, проехав от Ачинска до Красноярска, оставил следующую запись: «...мои кости были так растрясены, что я предпочел идти пешком» [37, с. 127]. А вот слова М. А. Кастрена: «...я почти без остановки и отдыха ехал от Томска до Енисейска и нахожусь после этого почти в таком же положении, как человек, которому ввалили добрых сорок палок» [11, с. 139]. Внес свою лепту в этот хор недовольства и Дж. Кеннан: «Только тот, кто сам испытал, может себе представить ту физическую боль, которую вызывает быстрая езда по плохим сибирским дорогам» [12, с. 54].

Наряду с отрицательными сторонами путешественники упоминали и хорошие или показавшиеся им странными моменты. Например, М. А. Кастрен обращал внимание на прекрасное устройство почтовой связи в России [11, с. 99]. П. Коллинз подмечал: «...по тем или иным причинам русский испытывает большое отвращение отправляться в путь днем. Я привык или, скорее, уступил необходимости, находясь в Сибири, начинать большинство путешествий в ночное время» [38, с. 64], «...в путешествии вы без церемонии квартируете у ваших друзей, живете у них настолько долго, насколько сочтете нужным, и уезжаете, когда вам удобно» [38, с. 99], «...немного познакомившись с русскими и сибирскими путешествиями, я счел целесообразным иметь как можно меньше багажа и довольствоваться тем, что я мог найти поесть на станциях или в городах по дороге. В Сибири я находил лучшим ничего не брать с собой, кроме чая и сахара» [38, с. 102].

Учитывая все вышеизложенное, действительно, оставалось только изумляться предпринимательской активности сибирских купцов. Недаром Ш. д'Отрош считал, что трудности преодоления огромных и безлюдных пространств делали сухопутную торговлю в России практически невозможной и невыгодной [40, с. 247], а в начале XX в. иностранцы отмечали «печать отсталости, даже архаики в организации» сибирской торговли [16, с. 27]. По мнению же К. Оланьона, «затруднительность путей сообщения и другие жизненные препятствия» сделали сибирского купца по сравнению с братьями из Европейской России «более состоятельным и, может быть, более смысленным и энергичным, а иногда и более предприимчивым» [25, с. 248].

Между тем купечество образовывало не только финансовую, но и культурную элиту сибирского общества, о чем дают наглядное представление воспоминания Дж. Кеннана, во второй половине XIX в. дважды проехавшего через всю Сибирь. Во время путешествия он не раз встречал таких представителей купечества, которых никак не ожидал увидеть в сибирской глуши. С нескрываемым восхищением он описывал расположенное в 100 верстах от Тюмени имение купца и «любезного хозяина» Колмакова (возможно, Алексея Сергеевича — тюменского и барнаульского купца 2-й гильдии [29, с. 327]): «Я был немало удивлен, найдя... столько удобств, вкуса и роскоши». Деревянный двух-

этажный («но поместительный и удобно устроенный») дом был окружен садом «с извилистыми дорожками, тенистыми беседками, длинными рядами смородины и малины и благоухающими цветниками» и прудом. В саду были устроены оранжерея, теплица и стеклянный зимний сад — хрустальный дворец в миниатюре с рощей «из бананов и молодых пальм, среди которых извивались дорожки с цветочными клумбами по бокам <...> Казалось, что мы перенеслись в южную страну...» [12, с. 52—53].

Не менее восторженно отзывался Дж. Кеннан о доме «приятного и радушного» семейства красноярских купцов Кузнецовых: «Слуга, который отпер дверь, провел нас в приемную — самую красивую и роскошную из всех, виденных в России <...> Блестящий паркет был устлан восточными коврами; в высоких, завешенных богатыми шторами окнах стояли группы пальм, папоротников и цветущих растений. Огромная комната казалась еще больше благодаря громадным стенным зеркалам. В чудесном мраморном камине пылали березовые дрова; картины известных русских, французских и английских художников украшали стены; возле прекрасного рояля стояла резная этажерка, наполненная книгами и нотами. Изящная мебель, старинный фарфор, слоновая кость и тысячи расставленных безделушек придавали жилой и уютный вид этой громадной комнате». Хозяйка — две сестры и три брата — бегло говорили по-английски и не раз бывали за границей [12, с. 176—177].

В Нерчинске, который показался путешественнику «культурнее и богаче других восточносибирских городов одинаковой с ним величины» [13, с. 162], он посетил «дворец богатого горнопромышленника Бутина, затмевающий собой не только все другие сибирские дома, но даже и большинство столичных» [13, с. 162—163]. Дж. Кеннан писал: «Такая роскошь не вызывает удивления в богатых и населенных европейских городах, но здесь, в снежной пустыне Забайкалья, в 3000 милях от Европейской границы, это поражает» [14, с. 255]. Самого владельца этого роскошного особняка автор характеризует такими словами: «...много путешествовавший в Соединенных Штатах и полуамериканец по своим взглядам и симпатиям» [12, с. 223]. Американский журналист упоминает также и о кяхтинском купце, чаоторговце Алексее Михайловиче Лушникове, проживавшем «в центре города, в комфортабельном двухэтажном доме» и принимавшем гостей «с тем открытым, сердечным гостеприимством, которое представляет характерную черту всех русских от Берингова пролива до Балтийского моря» [13, с. 23]. (Ж. Легра, характеризуя А. М. Лушникову, писал, что это был «человек редкого ума, и болезнь (ревматизм. — Е. К.) не потушила бодрость его духа...» [44, с. 307].) Показательны и такие слова Дж. Кеннана: «В этой далекой стране часто приходилось нам убеждаться, что земля, в сущности, очень невелика, ибо повсюду мы находили признаки цивилизованного мира и даже нашего собственного отечества. Так, например, в доме господина Лушникову мы неожиданно встретили интеллигентную даму — шотландку, госпожу Гамильтон и говорили с ней по-английски» [13, с. 24].

В мемуарах других иностранных авторов фигурируют кяхтинский купец Николай Матвеевич Игумнов, принимавший гостей «с большим радушием и гостеприимством» [38, с. 71]; верхнеудинский купец Апполон Митрофанович Курбатов («очень приятный джентльмен», «очень богатый — миллионер <...> живет в княжеского стиля доме, который можно назвать дворцом» [38, с. 99]); читинский предприниматель Линан — Н. П. Матханова высказала предположение, что речь в данном случае идет о купце Ланине [21, с. 99], вероятно Иване Васильевиче, — одном из инициаторов организации торговли на Амуре в первые годы его освоения [5, с. 104] («предприимчивый торговец и энергичный делец», «смелый, умный, трезвомыслящий человек» [38, с. 135—136]); иркутский городской голова Владимир Платонович Сукачев («многие парижане встречали

этого элегантного сибиряка... но, без сомнения, мало кто посещал изящную виллу, где он разместил одну из немногих картинных галерей, которыми располагает Сибирь» [44, с. 242]); купец шотландского происхождения Яков Вардропер, переехавший в Сибирь в 1860-х гг. («мы, не откладывая в дальний ящик, отправились к нему и, действительно, были приняты всей его семьей с таким сердечным гостеприимством, что сразу почувствовали себя, как дома» [12, с. 34]); томский золотопромышленник из дворян Иван Дмитриевич Асташев («один из самых богатых», демонстрировавший огромные золотые самородки [35, с. 35], «миллионер» [39, с. 224]); красноярские купцы — братья Василий, Михаил и Петр Латкины («все трое образованные люди» [11, с. 252]); енисейский купец Степан Васильевич Востротин («он жил в двухэтажном доме, окруженном поясом из больших хозяйственных построек. Его двери были открыты каждому, кто приходил, он служил воплощением знаменитого сибирского гостеприимства во всей его широте» [20, с. 84], «свою родину и свое миллионное население он знал вдоль и поперек и являлся настоящим живым справочником по всем... вопросам относительно условий местной жизни и труда» [24, с. 11—12], «он всегда очень хлопотал о нашем столе, считая своей обязанностью заботиться о гостях своей страны, и, надо отдать ему справедливость, был замечательно гостеприимным хозяином» [24, с. 238]). Ч. Коттрэлл упоминает также купца Зырянова, с которым он познакомился в начале 1840-х гг. в Усть-Каменогорске — его дом «был очень хорошо обставлен и удобен» [39, с. 187]. Л. Аткинсон отзывалась о кяхтинском городском голове (возможно, им был Митрофан Кузьмич Курбатов, в 1830—1840-х гг. проживавший в одном «из красивейших зданий в городе» [8, с. 402]) следующими словами: «Он очень умный человек и, будучи купцом, имел все возможности для сбора ценных китайских украшений; у него есть также великолепная библиотека, помимо обширных теплиц. Он тратит огромные суммы денег на сбор растений, и (вы представляете?) он ничего в них не смыслит! Единственная польза, которую он извлекает из своих больших затрат, — это возможность прохаживаться по своим оранжереям после обеда и курить сигару» [35, с. 312].

Выдающиеся качества некоторых сибирских купцов признавали не только западно-европейские и американские путешественники, но и восточные соседи России. В. Н. Баснин в одной из своих тетрадей записал, что известному иркутскому и кяхтинскому купцу Н. Ф. Сабашникову в день именин китайские торговцы преподнесли «приветственный лист», испещренный иероглифами, означающими: «Кто приобрел счастливый навык постоянно следовать путем справедливости, тот хотя бы старался скрывать свои похвальные качества, но оне, сами собою обнаруживаясь, подобно величайшему и громкому колоколу, разносят о нем славу повсеместно» [26, л. 10 об. — 11 об.].

Иногда излишние похвалы иностранных путешественников, зачастую высказывавших во многом лишь поверхностный взгляд и плохо разбиравшихся в российских реалиях, могли вызвать недовольство сибирских властей. Так, чрезмерная восторженность Дж. Кеннана, считавшего А. М. Лушникову чуть ли не «настоящим революционером», что, конечно, далеко не соответствовало действительности [32, с. 211], причинили неприятности Алексею Михайловичу, «который с 80-х годов старался не высказывать своих передовых убеждений» [23, с. 4].

Упоминали иностранцы и о женщинах из купеческой среды. В 1820-х гг. на публичном балу в Иркутске Дж. Кокрейн «насчитал семьдесят дам, но для Иркутска это считалось очень небольшим числом, так как в таких случаях их иногда собиралось от двух до трех сотен» [37, с. 135—136]. Большинство этих дам принадлежали к купеческому сословию. Об их манерах, кругозоре и интересах свидетельствуют следующие зарисовки, сделанные иностранными авторами. Жена читинского купца Ланина — «очень кра-

сивая и превосходная хозяйка» — умела бегло говорить по-французски, хорошо рисовала и играла на фортепиано и гитаре [38, с. 137]. Не меньшей любезностью отличалась и родственница С. В. Востротина — А. А. Кытманова. Знаменитый норвежский мореплаватель Ф. Нансен писал о ней: «...нас посадили в экипаж и повезли в великолепный большой каменный дом, настоящий дворец, принадлежащий невестке Востротина, Анастасии Алексеевне Китмановой, которая приняла нас с чисто сибирским радушием» [24, с. 252], «с каким удовольствием мы провели день и вечер у нашей гостеприимной хозяйки, в кругу ее прелестных дочерей и симпатичных друзей! Какое блаженство было свободно ходить и двигаться, выпрямившись во весь рост, в высоких, просторных комнатах! В этом радушном доме был, по-видимому, всегда накрыт стол для друзей и знакомых; гости приходили, когда кому хотелось, присаживались к столу, пили чай или закусывали, чем нравилось, и уходили, а им на смену являлись новые» [24, с. 254].

Совершенно другой тип купчих представлен в воспоминаниях Л. Аткинсон, которая, рассказывая о семействе кяхтинского городского головы, не особенно высокую оценку дала супруге последнего: «...она относится к старой школе сибирских жен, то есть она, без преувеличения, механическая кукла, редко встречаемая посетителями и никогда сама не наносящая визитов» [35, с. 313]. Предположительно, речь в данном случае может идти о жене М. К. Курбатова — Авдотье Тимофеевне, дочери тульского купца [8, с. 402].

В целом прекрасно образованные, воспитанные в традициях западноевропейской культуры люди не были редкостью (особенно во второй половине XIX в.) среди сибирского купечества, образуя в его составе своего рода интеллектуальную элиту. Несколько иначе выглядели представители средних и низших слоев купечества. Посетивший в конце XIX в. Енисейск и Красноярск Й. Лид красноречиво свидетельствовал: «Я нашел купцов приветливыми, но подозрительными: некоторые сочетали великую сердечность с великой же подозрительностью. Большой частью они представляли собой патриархальный тип людей с большими семьями, держащих двери своего дома открытыми. Вам не нужно было предъявлять визитку, чтобы зайти в гости, — вас сразу звали в гостиную, где уже дымился самовар. Купцы носили длинные волосы, а их узловатые руки действовали механически и очень быстро, как изображая крестное знамение, так и считая на счетах. Некоторые заслуживали звания вора, но они были очень набожными ворами, в их домах висели иконы с обетными лампадками по любому случаю в бизнесе и любой прихоти Всемогущего» [20, с. 79]. П. Коллинз описал рядовой купеческий дом в Нерчинском Заводе: «Мы... расположились в частном доме купца, где мы нашли хорошую комнату с двумя диванами, несколькими стульями и столом. Как обычно, кроватей не было. Наш хозяин принял нас очень вежливо и немедленно распорядился принести чай, в котором мы очень нуждались» [38, с. 111—112]. (Традиция обходиться без кроватей, шедшая со стародавних времен, отмечалась также д'Отрошем в XVIII в. [40, с. 161].) Приведем и немного более позднюю зарисовку, сделанную Дж. Фразером во время плавания на пароходе по Амуру: «Там был торговец мехами и его жена. Это был крупный мужчина с густыми бровями и жесткой бородой. Он был очень любезен. Единственное слово на английском, которое он знал, было “портер”, и после двухдневного знакомства он сказал, что я не похож на других британцев, которых он встретил, поскольку я не сердился из-за отсутствия на борту корабля “портера”. Он положил в чай несколько ложек клубничного варенья и настоял, чтобы я присоединился к нему. Он восхищался британцами» [41, с. 162].

На низкий уровень образования среди рядового сибирского купечества указывали Л. Аткинсон [34, с. 102], Дж. Кокрейн, К. Галле, Г. Тернер [16, с. 28] и другие иностранцы. Дж. Кокрейн в начале 1820-х гг. называл «серьезным злом» отсутствие у купеческих сыновей и дочерей хорошего образования — «многие из них едва ли умеют читать

или писать», хотя для обучения были все возможности благодаря присутствию шведов и французов, а также других ссыльных, «многие из которых обладают первоклассными талантами» [37, с. 135]. Он же сравнил купцов с торговцами-евреями в Великобритании: «...они отказывают себе и своим женам почти во всех удобствах, кроме публичного и показного платья, из чувства противоречия и мести по отношению к военным, которые... относятся к ним сухо, если не пренебрежительно и презрительно, как мы относимся к евреям в Англии. Еврей в Англии и купец в России, за исключением столиц или портовых городов, стоят на одном уровне» [там же].

В эпизодах, связанных с характеристикой сибирской торговли, зарубежные авторы обращали внимание на такие присущие ей черты, как конкуренция с американцами и англичанами в Китае [43, с. 80], большая роль ярмарок [25, с. 241], обмен товаров на товары. Ч. Коттрэлл писал, что многие сибирские купцы «имеют незначительный капитал или вовсе никакого, кроме запаса товаров, которые они обменивают из года в год» [39, с. 311]. К. Оланьон считал, что в азиатской части России «торговля представляет многие затруднения и требует значительных капиталов; притом среднее состояние каждого торговца в Сибири может быть выше, нежели в Европейской России [25, с. 248].

Иногда иностранцы отмечали присущую сибирским купцам честность («сибиряк заключает свои сделки так же честно», как и русский из европейской части страны [25, с. 248]), но гораздо чаще — хитрость и изворотливость. Видимо, на оценках сказывался личный опыт. Неудивительно, что А. Кюстин писал в целом о русских купцах, что они «лукавы, как и все, кто хочет жить и благоденствовать в здешних краях» [18, с. 282], но и у других иностранных авторов встречаются неоднократные упоминания о нечестных приемах, использовавшихся торговцами в Сибири. Т. Аткинсон сообщает об изготовлении одним из барнаульских купцов в подвале своего дома «портвейна», который затем втридорога сбывался в гостинном дворе [36, с. 283]. Ф. Нансен подробно описал торговлю купцов с аборигенными народами сибирского Севера, основываясь, в том числе, и на рассказах самих ее участников: «Самые отношения между сибирскими инородцами и местными купцами, у которых первые находятся в неоплатном долгу, весьма напоминают порядки у нас, в северной Норвегии, в старину, когда все местные рыбаки были в долгу у скупщиков <...>. Нужно быть очень честным человеком, чтобы не пользоваться... возможностью нажать побольше. И, конечно, очень часто бывает, что рыбак или охотник выручает за свою добычу значительно меньше, чем следовало бы. Если же на стороне купца появляется такая союзница, как водка, — отношения между двумя сторонами становятся уж совсем неравными» [24, с. 220—221]. Дж. Фразер включил в свою книгу рассказ одного купца, который хвастал тем, что выдал чай, доставленный морем в Одессу, за перевезенный по суше из Кяхты, и никто из покупателей не догадался об обмане [41, с. 84] (в XIX в. было распространено мнение о том, что при контакте с соленым морским воздухом свойства чая ухудшаются). О хитрости сибирских купцов упоминали также китайцы. Первый енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов передал слова китайского чиновника из Маймачена: «Я люблю олосов (русских)... но должен признаться, что с ними надобно вести осторожно дела свои» [30, с. 29].

Иностранные авторы, особенно конца XIX — начала XX в., довольно часто сравнивали сибирских купцов с европейскими и американскими предпринимателями — и «не в пользу» первых [16, с. 28]. А. Глейнер, основываясь на мнении Дж. Фразера, утверждает: «Для того чтобы русский человек мог успешно конкурировать с... немцами, он должен многое изменить в своем характере путем культуры. <...> ...русский человек не обладает нужной... предприимчивостью. Изворотливый американец благодаря своей неустанной деятельности кажется сибиряку человеком, заслуживающим особенного уважения»,

русский «не знает настойчивости в стремлении к какой-либо цели, у него нет терпения при выполнении какой-нибудь задачи. <...>. До того времени, пока не начали приезжать в Сибирь иностранцы, русские и понятия не имели о том, что можно сделать из этой страны. Это они узнали только благодаря иностранцам, и лишь в последнее время у них пробуждается стремление к самостоятельной деятельности в этом направлении. Но они не знают, как приступить к делу, и поэтому в последнее время среди русских замечается движение против иностранцев, которым все удается и которые во всем преуспевают» [3, с. 21—22].

Стоит упомянуть и еще одну деталь, отражающую общественные настроения в России второй половины XIX — начала XX в.: Ф. Нансен со слов своего спутника енисейского купца С. В. Востротина характеризовал доброжелательного и честного торговца из северного села Ворогово «либералом», а злобного, хитрого и скандального — «консерватором» [24, с. 239].

В отличие от служивших в Сибири русских чиновников большинство иностранных мемуаристов редко и достаточно осторожно касались темы взаимоотношения сибирских купцов с региональными властями. Любопытное свидетельство о восприятии высокопоставленными административными деятелями обладателей частного капитала и стремлении подчинить их государству оставил А. Кюстин. В пересказанной им речи нижегородского губернатора М. П. Бутурлина, произнесенной на открытии ярмарки, последний выражает надежду, «что господа коммерсанты постараются всеми силами избежать чудовищного упрека в том, что они интересы государства приносят в жертву своим личным выгодам» [17, с. 293]. Понимание купечеством необходимости объединения усилий с представителями как центральных властей, так и местной администрации для успешной колонизации отдаленных территорий можно заметить в словах П. Коллинза о «живом впечатлении», которое произвела на кяхтинских купцов его хвалебная речь в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, произнесенная на торжественном обеде в купеческом собрании [38, с. 79—82]. Мемуарист приводит ответные слова городского головы о понимании всеми присутствовавшими того, что Муравьев «сделал великие вещи для Сибири» [38, с. 84]. По свидетельствам иностранцев, сибирские купцы придавали исключительно важное значение освоению Амура «для процветания Сибири и величия России», связывая с этим будущие перспективы налаживания и расширения торговых связей со странами Тихоокеанского региона, включая Североамериканские Соединенные Штаты. При этом купцы прекрасно осознавали риск, связанный с распространением коммерции на Дальний Восток, что требовало огромных капиталовложений [38, с. 84, 135].

Гораздо меньше соотечественников иностранцы обращали внимание и на благотворительные деяния сибирских купцов, упоминая лишь какие-то особенно поразившие их факты: Богородице-Рождественский собор, публичный сад и музей в Красноярске [41, с. 79—80], дорогу от Байкала до Кяхты [39, с. 281], воспитательные учреждения И. Н. Трапезникова, Е. М. Медведниковой и И. И. Базанова, картинную галерею В. П. Сукачева [44, с. 242, 247, 248, 263, 269]. То обстоятельство, что большинство картин в галерее принадлежало кисти русских художников, расценивалось как проявление патриотизма [44, с. 242].

Описывая развлечения сибиряков, включая купечество, иностранные путешественники отмечали широкое распространение игры в карты, «элегантные» и проводившиеся «с большой пристойностью» балы [36, с. 97—98], театр, где можно было увидеть «очень похвальное представление», посещение женщинами магазинов в поисках безделушек [38, с. 48, 72]. Необычным казалось катание с горок зимой, обилие выпиваемого

за торжественными обедами шампанского, обычай подкидывать человека на руках вверх как выражение особой чести [38, с. 55, 85—88]. П. Коллинз писал про Иркутск февраля 1857 г.: «После нашего возвращения были балы, ужины, вечеринки, катание на санях, ужины и театрализованные представления в изобилии» [38, с. 90]. И если путешествиевавший в 1840-х гг. Т. Аткинсон указывал на отсутствие на Урале и в Сибири периодических изданий и разнообразной интересной литературы, чтение которой могло бы внести некоторое разнообразие в монотонность повседневной жизни и отчасти заменить увлечение азартными играми [36, с. 99], то уже в 1880-х гг. Дж. Кеннана поразило богатство частных сибирских книжных собраний. Вот как он, например, отзывался о библиотеке нерчинских купцов Бутиных: «...замечательный подбор книг, газет и журналов на 4-х языках» [14, с. 163]. О новых культурных веяниях говорило также увлечение классической музыкой: в бутинском особняке «находился громадный оркестрион, не уступающий по величине церковному», который «исполнял 60—70 различных пьес, и Бутины иногда пользовались им для устройства публичных концертов» [14, с. 163]. Для пореформенного периода была характерна и такая черта, как коллекционирование богатыми сибиряками предметов старины, минералов, археологических артефактов [14, с. 163].

Интересно, что Л. Аткинсон отмечала «сходство русских и китайских обычаев и ментальности» [34, с. 103], в то время как Ж. Легра поражался разницей между застройкой граничивших друг с другом Кяхты и Маймачена, находя в огромных кяхтинских купеческих особняках ничем не оправданную русскую расточительность, в то время как на китайской стороне все указывало на экономию и трудолюбие [44, с. 292—293].

Таким образом, на протяжении XVIII—XIX вв. сформировался крупный пласт эго-текстов, вышедших из-под пера иностранных путешественников и включающих упоминания о сибирских купцах. Интерес иностранцев к сибирскому купечеству обуславливался его высоким социальным статусом и теми функциями, которые купцы выполняли в формировании хозяйства и городской среды региона. Зарубежные авторы отмечали важное значение торговли для социально-экономического развития Сибири, подчеркивали роль купцов в снабжении различными товарами населения обширной территории азиатской части России. Согласно сохранившимся свидетельствам иностранцев, сибирское купечество не было однородным по своему составу. Восторженные отзывы заслужили верхние слои купечества, среди которых нередко встречались высокообразованные люди, воспитанные в традициях западноевропейской культуры. Иностранцы подчеркивали дружелюбие и гостеприимство купцов, их озабоченность перспективами экономического развития Сибири, понимание необходимости сотрудничества с властями. Наряду с этим зарубежные авторы отмечали подозрительность сибирских торговцев, их хитрость, использование нечестных приемов в коммерческой деятельности, особенно в отношениях с аборигенными народами сибирского Севера. В отличие от мемуаристов из среды российского чиновничества иностранные путешественники не противопоставляли купцов сибирской администрации, да и вообще не говорили о купечестве как о социальной силе, характеризуя лишь отдельных его представителей. Изумляясь комфорту купеческих особняков и богатству их владельцев, иностранцы не акцентировали внимания на благотворительности купцов, не критиковали их образ жизни и общественную позицию.

Список использованных источников и литературы

1. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб. : Полторак, 2014. 440 с.
2. Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск : Оттиск, 2017. 152 с.

3. Глейнер А. Сибирь, Америка будущего: по сочинению Джона Фостера Фразера. Киев : Тип. Петра Барского, 1906. 62 с.
4. Де Ламартиньер П.-М. Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев, со многими рисунками. М. : Московский Археологический институт, 1911. XXXV, 229 с.
5. Деловой мир Приамурья (середина XIX — начало XX в.) : в 2 т. Благовещенск-на-Амуре : Амурская ярмарка, 2013. Т. 2. 320 с.
6. [Ермолов]. Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829): (современное частное письмо) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX века. Барнаул : Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шашкова, 2007. Т. 2. С. 64—72.
7. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук по предложению ее президента. СПб. : Императорская Академия наук, 1824. Т. 6. X, 546 с.
8. Зуева Е. А. Курбатовы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 402.
9. Зуева Е. А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск : Типография «Полиада про», 2007. 220 с.
10. Исупова Ю. В. Городская жизнь в Сибири XVIII—XIX веков в записках иностранцев // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1995. С. 159—161.
11. Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845—1849). 352 с.
12. Кеннан Дж. Сибирь! : в 2 т. СПб. : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Т. 1. VII, 227 с.
13. Кеннан Дж. Сибирь! : в 2 т. СПб. : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Т. 2. 183 с.
14. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб. : Издание Вл. Распопова, 1906. LI, 287 с.
15. Киселев А. Г. Фирма на рынке Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. Ханты-Мансийск : Изд-во ЮГУ, 2008. 243 с.
16. Киселев А. Г., Нильсен Н., Нильсен П. Иностранцы предприниматели в дореволюционной Сибири: к проблеме адаптации // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX — начало XX века) : сб. науч. статей. Омск, 2009. Вып. 9. С. 27—38.
17. Кюстин А. Николаевская Россия. М. : Политиздат, 1990. 352 с.
18. Кюстин А. Россия в 1839 году : в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
19. Ледебур К. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской киргизской степи. Новосибирск : Наука, 1993. 414 с.
20. Лид Й. Сибирь — странная ностальгия. Автобиография. М. : Весь Мир, 2009. 304 с.
21. Матханова Н. П. Путевые записки американского коммерсанта П. М. Коллинза о городах Сибири середины XIX века // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1992. С. 91—102.
22. Миллер Г. Ф. Описание о торгах Сибирских // Миллер Г. Ф. Избранные труды / сост. С. С. Илизаров. М. : Янус-К, 2006. С. 375—435.
23. Назимов К. Страничка из истории Кяхты // Восточное обозрение. 1901. № 141 (27 июня).
24. Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг. : Склад при конторе изданий Т-ва А. Ф. Маркс, 1915. 631 с.
25. Оланыон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб. : Типография Т-ва «Просвещение», 1903. VIII, 253 с.
26. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 469. Д. 11.
27. Перхавко В. Б. История русского купечества. М. : Вече, 2008. 512 с.
28. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Миллера / подг. А. Х. Элерт. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
29. Скубневский В. А. Колмаков Алексей Сергеевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 327.
30. Степанов А. П. Путешествие в Кяхту из Красноярск // Енисейский Альманах на 1828 год. Красноярск, 2008. С. 17—41.
31. Суржикова Н. В. Это странное слово «эго-документы»: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения медиевистов А. Я. Гуревича и М. М. Фрейденберга. Тверь, 2014. С. 230—236.
32. Тагаров Ж. Т. А. М. Лушников — ученик и друг декабристов // Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 198—215.

33. Ус Л. Б. Сибирь глазами иностранцев в конце XIX — начале XX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII — начала XXI в. : материалы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2006. С. 114—120.
34. Чупахина Е. А. Записки Люси Аткинсон о Сибири // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 98—103.
35. Atkinson L. Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants. London : John Murray, 1863. XVI, 351 p.
36. Atkinson T. Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. New York : Harper and Brothers Publishers, 1858. 555 p.
37. Cochrain J. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka; performed during the years 1820, 1821, 1822, and 1823 by Capt. John Dundas Cochran, R. N. Philadelphia : H. C. Carey, & I. Lea, and A. Small ; New York : Collins & Hannay, 1824. Vol. 1. XII, 415 p.
38. Collins P. A Voyage Down the Amoor. New York : D. Appleton & Company, 1860. 390 p.
39. Cottrell Ch. Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841. London : J. W. Parker, 1842. XII, 410 p.
40. D'Autroche Ch. Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761. Paris : Chez Debure, père, Libraire, quai des Augustins, à Saint Paul, 1768. T. 1. Première partie. XXX, 347 p.; Seconde partie. P. 348—677.
41. Fraser J. The Real Siberia. Together With an Account of a Dash Through Manchuria. London : Cassel and Company, 1901. XVI, 279 p.
42. Gmelin J. Reise durch Siberien von den Jahren 1733—1743. Göttingen : Vandenhöck, 1751. Bd. 1. 417 S.
43. Klaproth J. Mémoires relatifs à l'Asie. Paris : A la Librairie Orientale de Dondey-Dupré Père et Fils, 1834. 479 p.
44. Legras J. En Sibérie: Ouvrage accompagné d'une carte hors texte et de gravures, d'après des photographies de l'auteur. [S. l.] : Armand Colin, 1899. XVII, 385 c.
45. Pallas P. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Bd. 3. St. Petersburg : Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Buch 1: Reise im östlichen Sibirien und bis in Daurien 1772stes Jahr. 454 S.
46. Pallas P. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Bd. 3. St. Petersburg : Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Buch 2: Reise aus Sibirien zurück an die Wolga im 1773sten Jahr. 305 S.
47. Steller G. Reise von Kamtschatka nach America mit dem Commandeur-Capitän Bering. Ein Pendant zu dessen Beschreibung von Kamtchatka. St. Petersburg : J. Z. Logan, 1793. 146 S.

Поступила в редакцию 17.08.2018

Комлева Евгения Владиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, Академгородок, ул. Николаева, 8
E-mail: feodal@history.nsc.ru

UDC 94(571)+323.328(571)“17/19”

E. V. Komleva

Siberian merchants in the perception of foreigners (the 18th — 19th centuries)

The article is devoted to the analysis of the ideas of foreigners, mainly Western European and American travelers, about Siberian merchants of the 18th — 19th centuries. Foreign authors noted the importance of trade for the economic development of Siberia, emphasized the role of merchants in the supply of the population of the vast territory of the Asian part of Russia with different goods. Special attention was paid to the outstanding representatives of merchantry, who were distinguished not only by their wealth, but also by their broad outlook and brilliant education. Foreigners spoke about the friendliness and hospitality of Siberian merchants, at the same time they saw such peculiar features as suspicion, craftiness and dishonest practices in their commercial activities.

Key words: Siberian merchantry, foreign opinion, ego-documents, lifestyle, trade, leisure, interaction with authorities.

Komleva Evgeniya Vladislavovna, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, Akademgorodok, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: feodal@history.nsc.ru

References

1. Bannikova E. V. *Povsednevnaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urala doreformennogo perioda)* [Daily life of the provincial merchants (on the materials of the Ural provinces of the pre-reform period)]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2014. 440 p. (In Russian)
2. Gavrilova N. I. *Kupecheskii rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii* [The merchant family of Siberians: pages of history]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017. 152 p. (In Russian)
3. Gleiner A. *Sibir', Amerika budushchego: po sochineniyu Dzhona Fostera Frazera* [Siberia, America of the Future: According to the Composition of John Foster Fraser]. Kiev, Tip. Petra Barskogo Publ., 1906. 62 p. (In Russian)
4. De Lamartin'er P.-M. *Puteshestvie v severnye strany, v kotorom opisany nray, obraz zhizni i sueveriya norvezhtsev, laplandtsev, kilopov, borandaitsev, sibiryakov, samoedov, novozemel'tsev i islandtsev, so mnogimi risunkami* [Journey to the Nordic countries, which describes the manners, way of life and superstition of the Norwegians, Laplanders, Kilops, Borandians, Siberians, Samoyeds, dwellers of Novaya Zemlya and Icelanders, with many drawings]. Moscow, Moskovskii Arkheologicheskii institut Publ., 1911. XXXV, 229 p. (In Russian)
5. *Delovoi mir Priamur'ya (seredina XIX — nachalo XX v.): v 2 t.* [The business world of the Amur region (mid XIX — early XX century): in 2 volumes]. Blagoveshchensk-na-Amure, Amurskaya yarmarka Publ., 2013. Vol. 2. 320 p. (In Russian)
6. (Ermolov). *Perezdy s Aleksandrom Gumbol'dtom po Sibiri (1829): (sovremennoe chastnoe pis'mo)* [Travels with Alexander Humboldt across Siberia (1829): (modern private letter)]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX veka* [Altai in the works of scientists and travelers of the XVIII — early XX century]. Barnaul, Alt. kraev. univers. nauch. b-ka im. V. Ya. Shashkova Publ., 2007, vol. 2, pp. 64—72. (In Russian)
7. *Zapiski puteshestviya akademika Fal'ka* [Travel notes by academician Falk]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademiyu nauk po predlozheniyu ee prezidenta* [Full collection of Russian scientific travels, published by the Imperial Academy of Sciences at the suggestion of its President]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1824, vol. 6, X, 546 p. (In Russian)
8. Zueva E. A. *Kurbatovy* [The Kurbatovs]. *Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary on the history of merchants and commerce of Siberia: in 2 volumes]. Novosibirsk, 2012, vol. 1, pp. 402. (In Russian)
9. Zueva E. A. *Russkaya kupecheskaya sem'ya v Sibiri kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX v.* [Russian merchant family in Siberia, the end of the XVIII — the first half of the XIX century]. Novosibirsk, Tipografiya “Poliada pro” Publ., 2007. 220 p. (In Russian)
10. Isupova Yu. V. *Gorodskaya zhizn' v Sibiri XVIII—XIX vekov v zapiskakh inostrantsev* [City life in Siberia of the XVIII — XIX centuries in the notes of foreigners]. *Urbanizatsiya i kul'turnaya zhizn' Sibiri:*

materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. [Urbanization and cultural life of Siberia. Proceed. of All-Russian sci.-pract. conf.]. Omsk, 1995, pp. 159—161. (In Russian)

11. Kastren M. A. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes] Tyumen', Yu. Mandriki Publ., 1999. Vol. 2: *Puteshestvie v Sibir' (1845—1849)*. 352 p. (In Russian)

12. Kennan Dzh. *Sibir'!: v 2 t.* [Siberia! : in 2 volumes]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina Publ., 1906. Vol. 1. VII, 227 p. (In Russian)

13. Kennan Dzh. *Sibir'!: v 2 t.* [Siberia! : in 2 volumes]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina Publ., 1906. Vol. 2. 183 p. (In Russian)

14. Kennan Dzh. *Sibir' i ssylka* [Siberia and exile]. St. Petersburg, Izdanie Vl. Raspopova Publ., 1906. LII, 287 p. (In Russian)

15. Kiselev A. G. *Firma na rynke Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX v.* [The company in the market of Western Siberia in the late XIX — early XX century]. Khanty-Mansiisk, YuGU Publ., 2008. 243 p. (In Russian)

16. Kiselev A. G., Nil'sen N., Nil'sen P. *Inostrannye predprinimateli v do-revolutsionnoi Sibiri: k probleme adaptatsii* [Foreign entrepreneurs in pre-revolutionary Siberia: to the problem of adaptation]. “Svoi” i “chuzhie”: *natsional'no-kul'turnye aspekty sibirskogo predprinimatel'stva (XIX — nachalo XX veka): sbornik nauch. statei* [“Own” and “alien”: national-cultural aspects of Siberian entrepreneurship (XIX — early XX century). Collect. of sci. articles]. Omsk, 2009, is. 9, pp. 27—38. (In Russian)

17. Kyustin A. *Nikolaevskaya Rossiya* [Nikolay's Russia]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 352 p. (In Russian)

18. Kyustin A. *Rossiya v 1839 godu: v 2 t.* [Russia in 1839: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovoykh Publ., 1996. 528 p. (In Russian)

19. Ledebur K. *Puteshestvie po Altaiskim goram i dzhungarskoi kirgizskoi stepi* [Journey through the Altai Mountains and the Dzungar Kyrgyz Steppe]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993. 414 p. (In Russian)

20. Lid I. *Sibir' — strannaya nostalg'iya. Avtobiografiya* [Siberia — a strange nostalgia. Autobiography]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2009. 304 p. (In Russian)

21. Matkhanova N. P. *Putevye zapiski amerikanskogo kommersanta P. M. Kollinza o gorodakh Sibiri serediny XIX veka* [Travel notes of the American merchant P. M. Collins on the cities of Siberia in the middle of the XIX century]. *Naselennye punkty Sibiri: opyt istoricheskogo razvitiya (XVII — nachalo XX v.)* [Localities of Siberia: Experience of Historical Development (XVII — early XX)]. Novosibirsk, 1992, pp. 91—102. (In Russian)

22. Miller G. F. *Opisanie o torgakh Sibirskikh* [Description of the auction Siberian]. Miller G. F. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, Yanus-K Publ., 2006, pp. 375—435. (In Russian)

23. Nazimov K. *Stranichka iz istorii Kyakhty* [Page from the history of Kyakhta]. *Vostochnoe obozrenie*, 1901, no. 141 (June 27). (In Russian)

24. Nansen F. *V stranu budushchego: Velikii Severnyi put' iz Evropy v Sibir' cherez Karskoe more* [To the country of the future: the Great Northern Route from Europe to Siberia through the Kara Sea]. Petrograd, Sklad pri kontore izdaniy T-va A. F. Marks Publ., 1915. 631 p. (In Russian)

25. Olan'on K. *Sibir' i ee ekonomicheskaya budushchnost'* [Siberia and its economic future]. St. Petersburg, Tipografiya T-va “Prosveshchenie” Publ., 1903. VIII, 253 p. (In Russian)

26. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Department of written sources of the State Historical Museum]. F. 469. D. 11.

27. Perkhavko V. B. *Istoriya russkogo kupechestva* [The history of Russian merchants]. Moscow, Veche Publ., 2008. 512 p. (In Russian)

28. *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh Millera* [Siberia of the XVIII century in Miller's travel descriptions]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1996. 310 p. (In Russian)

29. Skubnevskii V. A. *Kolmakov Aleksei Sergeevich* [Kolmakov Alexey Sergeevich]. *Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce of Siberia: in 2 volumes]. Novosibirsk, 2012, vol. 1, pp. 327. (In Russian)

30. Stepanov A. P. *Puteshestvie v Kyakhtu iz Krasnoyarska* [Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk]. *Eniseiskii Al'manakh na 1828 god* [Yenisei Almanac for 1828]. Krasnoyarsk, 2008, pp. 17—41. (In Russian)

31. Surzhikova N. V. *Eto strannoe slovo “ego-dokumenty”: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'* [This is a strange word “ego-documents”: an intellectual fashion or a conscious need]. *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v teorii i praktike nauchnykh issledovaniy: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya medievistov A. Ya. Gurevicha i M. M. Freidenberga* [Documents of personal origin in the theory and practice of scientific research. Proceed. of All-Russian sci. conf., dedicated to the 90th anniversary of the birth of the medievalists A. Ya. Gurevich and M. M. Freudenberg]. Tver, 2014, pp. 230—236. (In Russian)

32. Tagarov Zh. T. A. M. Lushnikov — uchenik i drug dekabristov [A. M. Lushnikov — student and friend of the Decembrists]. *Pamyati dekabristov: K 150-letiyu so dnya vosstaniya* [In memory of the Decembrists: On the 150th anniversary of the uprising]. Irkutsk, 1975, pp. 198—215. (In Russian)

33. Us L. B. Sibir' glazami inostrantsev v kontse XIX — nachale XX v. [Siberia through the eyes of foreigners in the late XIX — early XX century]. *Obraz Sibiri v obshchestvennom soznanii rossiyan XVIII — nachala XXI v.: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [The image of Siberia in the public consciousness of the Russians of the XVIII — beginning of the XXI century. Proceed. of the regional sci.-pract. conf.]. Novosibirsk, 2006, pp. 114—120. (In Russian)
34. Chupakhina E. A. Zapiski Lyusi Atkinson o Sibiri [Lucy Atkinson's Notes on Siberia]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Urgent Problems of Historical Research: A View of Young Scientists]. Novosibirsk, 2012, pp. 98—103. (In Russian)
35. Atkinson L. *Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants*. London, John Murray, 1863. XVI, 351 p.
36. Atkinson T. *Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia*. New York, Harper and Brothers Publishers, 1858. 555 p.
37. Cochran J. *Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka; performed during the years 1820, 1821, 1822, and 1823 by Capt. John Dundas Cochrane, R. N.* Philadelphia, H. C. Carey, & I. Lea, and A. Small, New York, Collins & Hannay, 1824. Vol. 1. XII, 415 p.
38. Collins P. *A Voyage Down the Amoor*. New York, D. Appleton & Company, 1860. 390 p.
39. Cottrell Ch. *Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841*. London, J. W. Parker, 1842. XII, 410 p.
40. D'Autroche Ch. *Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761*. Paris, Chez Debure, père, Libraire, quai des Augustins, à Saint Paul, 1768. Vol. 1. Première partie. XXX, 347 p.; Seconde partie, pp. 348—677.
41. Fraser J. *The Real Siberia. Together With an Account of a Dash Through Manchuria*. London, Cassel and Company, 1901. XVI, 279 p.
42. Gmelin J. *Reise durch Siberien von den Jahren 1733—1743*. Göttingen, Vandenhöck, 1751. Bd. 1. 417 S.
43. Klaproth J. *Mémoires relatifs à l'Asie*. Paris, A la Librairie Orientale de Dondey-Dupré Père et Fils, 1834. 479 p.
44. Legras J. *En Sibérie: Ouvrage accompagné d'une carte hors texte et de gravures, d'après des photographies de l'auteur*. [S. l.], Armand Colin, 1899. XVII, 385 c.
45. Pallas P. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*. Bd. 3. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Buch 1: Reise im östlichen Sibirien und bis in Daurien 1772stes Jahr. 454 S.
46. Pallas P. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*. Bd. 3. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Buch 2: Reise aus Sibirien zurück an die Wolga im 1773sten Jahr. 305 S.
47. Steller G. *Reise von Kamtschatka nach America mit dem Commandeur-Capitän Bering. Ein Pendant zu dessen Beschreibung von Kamtschatka*. St. Petersburg, J. Z. Logan, 1793. 146 S.